

Ксенофоб

Автор:

Игорь Шенгальц

Ксенофоб

Игорь Александрович Шенгальц

Сыщик Бреннер #2

В Руссо-Пруссии настали новые времена. Первое посольство чужаков открыло свои двери для контакта и налаживания отношений с местным населением. Но далеко не все люди приняли иномирян как равных. Кайзер-император Константин всеми силами пытается навести порядок в стране, но у него много врагов, как внешних, так и внутренних. Кирилл Бенедиктович Бреннер, бывший имперский десант-риттер и сыщик по найму, отошел от дел. Но внезапная просьба старой знакомой заставляет его взяться за необычное расследование...

Игорь Шенгальц

Ксенофоб

МОЕМУ ДРУГУ АЛЕКСЕЮ МОТЫЛЕВУ

Все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны

Пусть сильнее грянет буря!

Максим Горький

Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет.

Наполеон I (Бонапарт)

I

Специалист по взысканию долгов

Очередь в новомодный ресторан-кабаре «Чужак» растянулась до самого перекрестка. Причем стояли на улице, кутаясь от ветра и снега, не какая-то третьесортная беднота, а люди весьма состоятельные. Джентльмены в дорогих кашемировых пальто, дамы в мехах и драгоценностях. Таким в любом заведении рады. Но здесь и им пришлось ожидать, как обычным смертным, своего права ступить в святая святых и насладиться незабываемым зрелищем.

Внутри же ресторации собрались сливки общества, настоящий финансовый и аристократический бомонд Фридрихсграда.

Разумеется, мне среди приглашенных места не нашлось. Я стоял через дорогу от входа, укрывшись от внимания вышибал-охранников за рекламной тумбой. Прямо передо мной висела красочная афиша, слегка трепеща на ветру одним оторванным углом.

«ВНИМАНИЕ! Только три вечера, только у нас! Несравненная МАРЛЕН с эксклюзивной программой «ПОЛЮБИ МЕНЯ, ЧУЖОЙ!!!» Количество столиков ограничено!»

Лично меня насторожило бы количество восклицательных знаков в афише, но еще больше вопросов вызывала фигура полуобнаженной мадемуазель, слившейся в долгом поцелуе с невообразимым чудовищем, видимо олицетворяющим того самого «чужого».

Мне доводилось встречаться с настоящими чужаками, в том числе самыми ужасными из них, и ничего общего с рисунком на афише я не видел. Но народ требовал зрелищ и валом валил в кабаре, а устроители готовы были пуститься на любые хитрости, лишь бы именно в их заведение несли свои деньги подданные империи.

Поэтому я и остановился в столь неудобном месте, дабы немного поразмыслить и найти способ попасть внутрь, минуя очередь. Тем более что мой внешний вид вызывал множество вопросов, и громилы на входе не пропустили бы меня в заведение ни при каких условиях.

Идти через главные двери я и не собирался. В любом кабаке подобного толка имелось несколько входов-выходов. Одним из них мне и пришлось воспользоваться.

Пряча лицо от порывов снега в высокий воротник куртки и глубоко надвинув на голову кепи, я обошел здание кругом. Как я и предполагал, узкий проход между домами позволил мне пробраться во внутренний дворик, где рядом стояли мусорные баки, а под навесом виднелась высокая поленница дров и гора угля. Здесь ветра почти не чувствовалось, но снег все так же не переставая валил с неба.

Теперь мне оставалось только ждать. Я подошел к поленнице, став за ней, чтобы не бросаться в глаза случайным наблюдателям, и закурил папиросу. Крепкий табак чуть освежил мое сознание, словно кружка кофе, позволяя мыслям течь быстрее. Чтобы закрепить этот эффект, я вытащил из кармана трехсотграммовую фляжку и сделал несколько больших глотков, по привычке даже не поморщившись.

Мой чертов шнапс![1 - Собирательное название крепких алкогольных напитков, обычно фруктовый самогон (нем.). – Здесь и далее примеч. авт.] То, что нужно!

Не успел я спрятать фляжку обратно в карман куртки, как тяжелая металлическая дверь, ведущая в здание, со скрипом отворилась и во дворик вышли два поваренка в белоснежных курточках и колпаках. В обычных заведениях повара подобным образом не экипировали, но в «Чужаке» и в клозете, как говорили злые языки, стояли золотые Unitas[2 - Единство (лат.). От этого слова пошло название «унитаз» – новая модель раковины, включавшая в себя сразу несколько частей.] – пафос и амбиции владельца ресторана не знали границ.

Поварята тащили здоровенный чан с пищевыми отходами. Меня мальцы пока не замечали, а я не спешил показаться им на глаза.

Поварята подтащили чан к одному из баков. Несмотря на мороз, они обливались потом от усилий, но все же подняли его вверх, намереваясь перевернуть в бак и на счет «три» опустошить. Но левый поваренок успел сосчитать только до двух и внезапно поскользнулся на ровном месте, упал на одно колено, не выпуская при этом чан из своих цепких рук. Содержимое чана незамедлительно полилось прямо ему на голову.

Второй поваренок, заметив конфуз товарища, вместо того чтобы прийти тому на помощь, сложился пополам от смеха, тут же выпустив из рук свой край чана. В результате то, что не успело вывалиться на голову первому бедолаге, посыпалось на землю.

Но поварята оказались ребятами с юмором. Через секунду оба хохотали так, что колпаки слетели с их голов и упали поверх помоев.

Я не стал дожидаться окончания этого циркового представления и незамеченный зашел в приоткрытые двери черного хода, оказавшись в столь желанном сегодня для многих кабаре.

Короткий коридор со светлыми стенами, куда я вышел, разветвлялся в двух направлениях. Справа до меня доносились ароматы готовящихся блюд, невольно заставив сглотнуть слюну, и слышались громкие голоса поваров. Поэтому я направился налево и через минуту, миновав несколько запертых дверей в подсобные помещения, свернул за угол, очутившись прямиком перед широкими двустворчатыми дверьми, ведущими в основной зал.

Сквозь верхние, слегка матовые стекла дверей можно было незаметно наблюдать за происходящим. Зал был полон, все столики заняты, на сцене проникновенным голосом выводила рулады неизвестная мне певичка, но особого внимания гости на нее не обращали, даже не стараясь приглушить разговоры. Значит, это еще не звезда вечера – Марлен, а кто-то попроще, из местных артистов, выступающая для разогрева публики. Певичка меня не интересовала, гораздо более занимательным я нашел пару охранников в одинаковых черных просторных двубортных пиджаках прямо за моими дверьми да еще несколько их коллег, разместившихся по периметру зала. Что же, публика тут богатая, и охрана, соответственно, на высоте.

Но мне обязательно нужно пройти мимо них. И желательно сделать это тихо, без шума и нервов. Мои наниматели не стремились к скандалу, они просто хотели получить свое, и я должен учитывать их пожелания...

– Да где же вы, маленькие мерзавцы! – пробасил кто-то позади меня. – Только бы отлынивать от работы! Я вам сейчас уши надеру!

Кто-то из старших поваров потерял своих смешливых помощников, все еще возившихся во дворе с отходами, и вышел из кухни на их поиски. То, что надо!

Я не спеша вернулся обратно, постаравшись сделать свое лицо максимально дружелюбным. Но высокий, широкоплечий повар, повстречавшийся мне за поворотом, изумленно отшатнулся назад и явно собирался позвать на помощь.

Но я оказался быстрее. Два шага вперед, короткий удар, аккуратно подхватить падающее тело, протащить его чуть назад, пинком открыть ближайшую дверь в подсобку, снять с тела поварскую куртку и колпак, быстро переодеться, не забыв переложить револьвер и нож в карманы, осторожно прикрыть за собой дверь – все это действие не заняло у меня и двух минут.

Зато теперь, когда я уверенно дошагал до дверей в зал и открыл их изнутри, громилы едва покосились на меня, даже не попытавшись проверить мою личность. Хотя я на их месте не преминул бы это сделать, слишком уж претенциозно, даже в белоснежной куртке и колпаке, я смотрелся.

Певичка на сцене затянула новую песню. Оркестр вяло подыгрывал. Официанты сновали по залу, ловко лавируя между столиками. Гости шумно общались между собой, игнорируя певичку и жадно поглощая пищу и алкоголь. Если бы не высокое положение присутствующих, среди которых я уже заметил одного действующего министра и еще несколько чинов рангом помельче, а также пару банкиров и одного бандита, выбившегося в люди, то заведение мало чем отличалось бы от обычного бандитского кабака, где коротали вечера менее уважаемые граждане нашего города. Правда, и обстановка тут, в отличие от дешевых забегаловок, сияла роскошью и помпезностью. Одна лишь хрустальная люстра стоила целое состояние.

Я чуть наклонил голову, чтобы моя давно не чесанная борода не так бросалась в глаза охранникам, и пошел в обход зала, направляясь к лестнице, ведущей на

второй этаж. Именно там находились личные покои владельца этого заведения, риттер-баронета[3 - Риттер – рыцарь (нем.). В данном случае обозначает также принадлежность к дворянству.] Генри Салданова, прохиндея и мерзавца, коего я желал лицезреть.

По дороге я ловко выхватил из рук официанта поднос с бокалами, в которых пенилось игристое вино. Официант удивился, но сопротивляться не стал, видно посчитав мой костюм повара за разрешение на совершение подобных действий. Я же, вооруженный шампанским, смело прошествовал к лестнице и на вопросительный взгляд очередного охранника так же молча кивнул на поднос с вином. Мол, доставлено по приказу баронета. Желаете отнести сами или доставить мне?..

Конечно, самому халдействовать охраннику было не с руки, поэтому он лишь посторонился, пропуская меня к лестнице. На втором этаже охраны не было видно. Здесь ценили приватность и гостей, и хозяев заведения.

Дверь в покои Салданова я обнаружил без труда. Не слишком изящно приоткрыв ее ногой, я зашел в просторную комнату.

На нескольких диванах и креслах могла уместиться целая орава гостей.

Всю дальнюю стену занимало большое панорамное окно, в которое прекрасно виден был и сам зал, и сцена, где вымучивала свой гонорар неизвестная местная певичка.

В углу стоял массивный письменный стол, а вдоль левой стены находились полки с книгами и толстыми папками. В самом углу стоял высокий сейф.

И все же помещение походило не на рабочий кабинет, а скорее на комнату для развлечений, в которой случайно оказались полезные для управляющего вещи.

Сам баронет – видный мужчина под тридцать, светловолосый, с надменным взором и тоненькими усиками по последней моде, в компании пары юных дам с пониженной социальной ответственностью возлежал на диванчике, лениво поглядывая в панорамное окно. Дамы негромко ворковали между собой, потягивая из бокалов напитки. На мое появление они не обратили ни малейшего внимания. Одна так вообще тут же задремала, выпустив из рук бокал и

прикорнув на многочисленных диванных подушках, а вторая лениво втянула в ноздрю подозрительную дорожку белого порошка, выложенную на стеклянном журнальном столике у дивана.

Все понятно, сильные мира сего отдыхают! Алкоголь и запрещенные императором препараты. Ничего нового в этом мире, ничего нового...

Я повернул в дверях ключ, после чего неспешно подошел к столику и поставил на него поднос.

- Шампанское? - заинтересовалась принявшая дозу девица. - Очень вовремя!

Она подхватила один из бокалов и залпом опустошила его. Я легко ударил ее по щеке ладонью, подхватил тело и уложил на подушки рядом с ее дремлющей подругой.

После чего вытащил револьвер из кармана и направил его на баронета.

- Господин Салданов? - для проформы уточнил я.

Риттер-баронет поднял на меня мутный взгляд серых глаз. Револьвер в моей руке несколько его не смутил. Как видно, девица не единственная, кто сейчас принял свою порцию наркотиков.

- Ты кто такой, черт тебя дерит?! Кто позволил тебе сюда подняться?

- Моя фамилия Бреннер. Может, слышали? Я пришел напомнить вам о некоем долге перед господином Крюком. Вы помните такого?

Салданов нахмурился, но тень понимания легла на его чело.

- Бреннер? Что-то знакомое... нет, не припомню. Крюк? Это старый любитель задавать вопросы? Игра? Карточные долги? Я помню, я все помню! Да, я расплачусь на этой же неделе! А теперь убирайся отсюда, мерзавец! И чтоб я больше тебя не видел!

Я проигнорировал его пожелания и с наслаждением выпил пару бокалов шампанского, один за другим, не отводя, впрочем, револьвер от баронета. В таком настроении он вполне мог переоценить собственные силы и попытаться напасть на меня, а я этого не желал. Мое дело – получить по счету то, что причитается, и не больше.

– Боюсь, вы слишком уже долго игнорировали вашу задолженность, а господин Крюк не любит ждать, поэтому я здесь. Вы заплатите все полностью плюс десять процентов за хлопоты, и заплатите прямо сейчас.

Я говорил спокойным и размеренным тоном, и это оказалось ошибкой.

Салданов прыгнул на меня прямо с дивана, надеясь сбить с ног, но пуля всегда быстрее человека.

Выстрел отбросил его назад, на диванные подушки.

– Первый в ногу, – сообщил я. – Второй будет в живот. Третий – в голову. Поиграем в считалку?

Я не задумываясь застрелил бы его. Одним мерзавцем на земле оказалось бы меньше – очень хорошо. А застрели он меня, тоже не слишком горевал бы. Чем я лучше, присланный одними бандитами собирать долги с других бандитов – хорошая работенка, как раз по моему нынешнему состоянию Великой Внутренней Депрессии.

– Стой! Не стреляй! Я заплачу!

Баронет, убедившись, что я пока не собираюсь его убивать, со стоном поднялся на ноги и поковылял к громоздкому сейфу в углу комнаты. Кровь почти не текла, я прострелил голень, не задев артерию.

– Сколько я должен?

– Двадцать две тысячи марок. Это вместе с процентами.

Салданов вытащил несколько пачек, перетянутых синими лентами, и бросил их на одно из кресел рядом.

– Забирайте!

Я подошел, пересчитал пачки, убедившись, что все на месте, и отложил одну лишнюю.

– Господин Крюк не просит чужого. Он требует лишь свое.

Пачки я рассовал по карманам. Да, теперь пиджак слегка топорщился под поварской курткой, но я надеялся, что это останется незамеченным охраной. Если уж выстрел не привлек их внимания, ведь шум в зале стоял изрядный, то заурядный официант так же маловероятно их заинтересует. Не такие уж они тут и профи, какими хотели бы казаться...

– Бреннер... Вы же так себя назвали? – вдруг заговорил Салданов. – Я вижу, вы профессионал. Хотите работать на меня? Я забуду все недоразумения между нами. Поверьте, мне нужны такие люди!

– Все претензии по сегодняшнему визиту вы можете адресовать напрямую господину Крюку, – посоветовал я. – Что же касается вашего щедрого предложения, боюсь, я вынужден отказаться.

Да, мне пришлось работать на подонков, но, по крайней мере, до сих пор я сам выбирал среди них своих работодателей.

– Ты пожалеешь об этом, Бреннер, – прошипел баронет. Он выглядел разгневанным и оскорбленным. – Ты очень пожалеешь! Клянусь!

– Желаю приятного вечера! – кивнул я на прощанье, после чего связал Салданова брючным ремнем, позаимствованным у него же, заткнул рот кляпом и покинул комнату – бить риттер-баронета по голове рукоятью револьвера, отправляя его в беспамятство, я не стал, хотя и очень хотелось это сделать. Но мое поручение ограничивалось лишь изъятием долга, а нанесение ненужных побоев в заказ не входило.

Дальнейшее не составило никакого труда. Я подхватил поднос, выплеснув содержимое бокалов прямо на пол, вышел из покоев баронета, спокойно спустился по лестнице, в коридоре отыскал комнату с поваром – ничего, придет в себя через четверть часа – и моими вещами, быстро переоделся и вышел на улицу.

Поварята все еще собирали остатки объедков, задорно кидаясь друг в друга капустной кочерыжкой.

Меня они так и не заметили.

Еще через три четверти часа я встретился с Крюком, владельцем небольшого подпольного казино, и передал ему двадцать тысяч. Оставшиеся две тысячи были моим гонораром за этот вечер.

Теперь еще пару месяцев можно заниматься тем, чем я занимался весь последний год. Пить и вспоминать прошлое.

II

Новая эра

Водка не пьянила. Я пил весь вечер, уже которую стопку подряд, давно сбившись со счета. Компании и разговоров я не искал. Час сменялся новым часом, время торопилось за мной, не поспевая и оставляя череду долгих и бесконечно тоскливых в своей однообразности моментов. Я не хотел ничего помнить: ни настоящее, ни прошлое. Но я помнил. И только водка помогала немного укротить время, заставить его течь быстрее. Но водка не давала мне забвения. И, вопреки своему желанию, я снова и снова воскрешал в памяти страшную картину: две прекрасные девушки, бездыханно лежавшие на обшарпанном деревянном полу. Мои жены. Мои мертвые жены. Они погибли около года назад, когда в городе была попытка совершить государственный переворот – революцию. Я оказался тогда в эпицентре событий, и девушек захватили, чтобы немного притормозить меня. В итоге я не сумел их спасти, они погибли от мгновенно действующего яда. И с тех пор каждый день я оплакивал

их и проклинал себя.

Повинуясь небрежному взмаху руки, половой в мгновение ока поставил на стол поднос с новым графином. По своей инициативе он присовокупил к алкоголю тарелку с отварной, исходящей паром картошкой, политой маслом и посыпанной свежей зеленью, чуть сбоку от картошки возвышалась горка квашеной капусты, а рядом теснилась пара малосольных огурчиков, на второй тарелке ровными кусками лежала нежнейшая сельдь, покрытая кольцами лука, и тут же – несколько ломтей ржаного хлеба, только из печи.

– Господин, извольте откусать, заведение угощает, – чуть склонил набриоленную голову халдей. Он ловко наполнил пустую стопку, еще раз поклонился, продемонстрировав идеальный пробор, и исчез.

Я опрокинул стопку себе в рот, подцепил на вилку кусок сельди, но передумал и отодвинул тарелку. Есть не хотелось. Надо было потребовать стакан. Пить водку стопками – моветон.

В заведении было многолюдно и шумно, как и обычно под вечер, все места заняты, но к моему столику в углу никто не подходил. Половой предупреждал любопытствующих, что беспокоить меня – себе дороже, тем более в таком состоянии. Револьвер всегда лежал в кармане моего пиджака, как и нож-бабочка, и я мог пустить их в ход без малейшего сомнения.

Я недовольно поморщился, бросив взгляд на особо шумный стол, за которым гуляли средней руки коммерсанты, барыги, торгаши, лавочники и пара откровенных бандитов.

Да, здесь далеко не кабаре «Чужак», где один лишь вид охранников-громил заставлял посетителей вести себя спокойно, в трактире же царила своя атмосфера, и редкий вечер кончался без поножовщины.

Император Константин наводил порядок в Фридрихсграде железной рукой, но слишком много за последний год на улицах появилось людского сброда: от обычных карманников и уголовников, почуявших легкую дезориентацию новой власти, до бывших революционеров, разогнанных и ищущих свою нишу в новой жизни, старавшихся всеми силами отхватить кусок пирога в эту эпоху всеобщего хаоса и неразберихи.

Департамент полиции новой столицы получал приоритетное финансирование, его возглавил бывший армейский генерал Клаус Якубов, набравший свежий состав из отставных военных, и день за днем доблестные сотрудники восстанавливали порядок в городе. Но буквально пару недель назад генерала Якубова подорвали бомбисты, прямоком в служебном мехвагене, и свеженазначенный на его пост новый шеф полиции Макс Краузе еще не успел себя проявить.

Сказать по правде, и при Якубове полностью восстановить былой контроль над городом пока не удалось. И если центральные кварталы полицейские старательно очистили от разномастной швали, безжалостно отстреливая преступников всех видов и мастей, то некоторые окраинные районы оказались позабыты из-за банальной нехватки средств и людей и превратились в настоящие гетто, где селились преимущественно нелегальные элементы, как мухи слетающиеся в Фридрихсград со всех концов великой империи. Достопочтенные горожане, коим позволяли средства, срочно переезжали в спокойные кварталы, те же, у кого такой возможности не имелось, старались не покидать своих домов без необходимости, надеясь пересидеть тяжелые дни под защитой крепких ставен и дверей.

Смутные времена пришли в Фридрихсград. И я, отчасти виновный во всем произошедшем, не мог найти своего места в этом новом мире. Не мог, да и не хотел.

И все же положительные перемены тоже были. Своим первым указом новый император перенес столицу в Фридрихсград. Это было логично, учитывая, что с недавних пор в городе появились сразу четыре посольства чужаков-иномирян.

Император Константин после коронации развил бурную деятельность во внешней политике и начал несколько масштабных внутренних проектов. Он сумел подписать пакт о ненападении между Руссо-Пруссией и бриттами весьма сомнительного, на мой взгляд, качества, но пока что пакт работал – чего еще желать, – а также заключил договор об обоюдовыгодном торговом коридоре с франками. Мирская общественность сходилась во мнении, что император Константин сумел изрядно припугнуть и франков, и бриттов, вот только чем именно, для всех оставалось загадкой. С той стороны Атлантики не было никаких вестей, словно колонисты решили временно отойти от всех внешних дел.

Из внутренних же проектов можно было отметить масштабное строительство новых линий железной дороги, способной связать всю империю в единую сеть, а также миллионные инвестиции, вложенные в дирижаблестроение. К тому же император не забывал и о местных задачах: город, несмотря на нерешенные проблемы с криминалитетом, стремительно разрастался, а на долгожданное завершение строительства фридрихсградского унтербана[4 - Сокр. от нем. Untergrundbahn – метро.] были брошены все свободные ресурсы. Вот только компанию «Механикс», которая некогда вела работы, сменил свежееобразованный акционерный фонд «Руссо-Прусский Унтергрудбан».

Мне было на все это плевать. Плевать на изменившуюся действительность и на людей, ставших невольными свидетелями перемен, но не сумевших им помешать. Ведь я тоже не сумел этого сделать, хотя и старался. Поэтому мне было наплевать и на себя самого. Будущего я не видел. Только прошлое.

Я почти перестал следить за собой. Бритье, цирюльня – все это меня мало волновало. Я зарос, стал косматым, как дворовый пес, и таким же угрюмым, злым и недоверчивым. Меня хватало только лишь на утреннее умывание – я просил портье отеля, где жил, окатывать меня по пояс во дворе ледяной водой из ведра. Эта процедура бодрила, позволяя собраться с мыслями, чтобы решить, в каком именно кабаке я буду пить сегодня.

Обитал я в отеле «Приют скитальца» – очень точное название применительно к моей ситуации, – снимая там небольшую комнатку в мансарде. Мой же дом, изрядно пострадавший год назад, так и стоял покинутый всеми его обитателями. Я лишь заколотил досками окна, дабы избежать проникновения внутрь бродяг и вандалов.

Один, без близняшек, я не хотел туда возвращаться. Да и средств на полное восстановление дома у меня не было.

Жизнь в отеле имела свои неоспоримые преимущества. Никто меня не беспокоил, даже по пустякам, никто не лез в мою жизнь с сочувствием и советами, а главное – старые друзья и враги потеряли меня из виду, и я оказался предоставлен сам себе. Что мне и требовалось...

Зарабатывал же я нынче тем, что выбивал долги одних бандитов у других. Смерти я не боялся, даже временами искал ее. Поэтому вскоре слух обо мне

разошелся по всему городу, и недостатка в заказах я не испытывал, но брался за новые дела весьма неохотно, только когда бумажник в очередной раз показывал дно.

Я выпил еще несколько стопок, ополовинив графин. Меня нисколько не развезло после спиртного, напротив, движения мои все так же были четкими и уверенными.

Побывав однажды в мире чужаков и вернувшись домой, я приобрел помимо неприятностей несколько физиологических изменений, которые стали заметны лишь некоторое время спустя. Например, я почти перестал пьянеть. Я мог пить неделями, месяцами напролет, стараясь забыться, и поначалу это получалось, но чем дольше, тем быстрее организм справлялся с отравой, выводя все нежелательные продукты в считанные минуты.

Я злился и пил еще больше, пьянел, но недостаточно быстро, и стоило мне перестать пить, как через несколько минут я полностью трезвел. Даже надраться как следует теперь стало невозможно!

Прошел год с той ночи, когда погибли Лиза и Петра. Целый год... или же лишь год... с какой стороны посмотреть. Для меня этот год был словно вечность. И чертов шнапс совершенно не помогал...

И ведь я даже не смог похоронить их. Когда я вернулся в тот злосчастный дом, то не нашел никого: ни девочек, ни Марты, ни убитых мной охранников. Кто-то побывал там раньше меня, и, пока я расправлялся с подселенцем в соборе, этот некто подчистил дом, успев вывезти все тела. И невозможность похоронить моих девочек по-человечески и хотя бы иногда приходить на их могилы угнетала меня больше всего прочего. Я много раз представлял себе, как их тела сваливают в наспех вырытую яму – общую могилу где-то глубоко в лесу, засыпают землей, закидывают сверху ветвями. Никто и никогда не узнает, где находится то место. Я никогда этого не узнаю.

Ублюдки! Будьте вы прокляты!..

Внезапно, как по мановению руки, в кабаке воцарилась абсолютная тишина. Казалось, люди вокруг даже перестали дышать. Ни скрипа, ни звука, ни шороха.

Я повернулся, проявив несвойственное мне в последнее время любопытство.

Там, у самых дверей, в нерешительности замерло существо, которое не принадлежало не только к роду человеческому, но и ни к одному животному виду, порожденному нашим миром.

В дверях стоял чужак. Мы называли их фогели[5 - От нем. Vogel - птица.].

К счастью, из четырех посольств, купола которых появились в ту злосчастную ночь в Фридрихсграде, свои двери широко открыло только одно из них. Оставшиеся хранили таинственное молчание, завесившись непроницаемыми покрывалами энергобарьеров.

Чужак был длинный и нескладный, как богомол, весь какой-то угловатый, состоящий, казалось, из сплошных неровностей и корявостей. С человеком его роднила лишь общая структура тела: голова, туловище, две руки, две ноги. Конечности иномирянина отчетливо напоминали ветви дерева - настолько тонкими и гибкими они выглядели. Череп его был по-птичьи вытянутым, а лицо пряталось под стальной маской с длинным крючковатым клювом, нижняя часть которой представляла собой нечто вроде респиратора. Огромные черные глаза-окуляры внимательно наблюдали за происходящим вокруг. На голове чужак носил чуть приплюснутый сверху цилиндр - подобные нынче только входили в моду. Две тонкие трубки протянулись от респиратора к чемодану, крепившемуся на лямки за его спиной - наш воздух был вреден для иномирян. Фогель был одет в просторный балахон, почти полностью скрывавший его тело, подпоясанный широким кожаным ремнем, а на ногах носил высокие сапоги-ботфорты. Все это вкуче с чемоданом за спиной создавало весьма необычный для человеческого глаза образ.

Фогель только миновал дверной проем, сложившись при этом почти на треть, иначе не проходил. И теперь, распрямившись, он упирался головой в потолок, а его чуть растопыренные для сохранения баланса конечности раскинулись во все стороны. Палки-руки уперлись в дверной косяк, правая нога была отставлена чуть назад, а левая - вперед. Так он и замер, тяжело дыша сквозь респиратор, и вместе с ним замерло все вокруг. Обыватели еще не привыкли к виду чужаков, хотя первое чужое посольство открылось много месяцев назад и иномиряне получили возможность свободно перемещаться по Фридрихсграду. Но они предпочитали не рисковать понапрасну и ходили по городу лишь в сопровождении охраны - далеко не всем горожанам пришлось по нраву новые

порядки.

Чужаки пытались торговать – но первый интерес со стороны горожан быстро иссяк. Иномиряне не предлагали ничего кардинально нового. Технологии, если они и были, оказались под запретом для свободной торговли, прочие товары имели земные аналоги, а чужая еда была слишком специфической на вкус, чтобы стать популярной.

Их лавки, открытые недалеко от посольств, ночами громили. Чужаки отстраивали новые. В конце концов, город и фогели пришли к некоему консенсусу: они стали учиться сосуществовать вместе, но до полного решения противоречий было еще очень далеко.

Но факт есть факт. Сейчас фогель стоял в дверях кабака и с интересом осматривался, для удобства чуть выкатив свои удивительные глаза-окуляры.

Я отвел взгляд в сторону. Чужак был мне неинтересен. Я относился к тем, кто считал, что мы не уживемся никогда. Хороший чужак – мертвый чужак! Будь моя воля, я закрыл бы посольства или хотя бы обнес их пятиметровой стеной.

Да, я был отъявленным ксенофобом и не находил в этом ничего дурного.

Раса, пошедшая на контакт с людьми и встретившая делегацию императора Руссо-Пруссии, оказалась совсем непохожей на нас. Фогели – помесь птицы и богомола. Вроде бы в их родном мире обитали и иные разумные виды, но посольство покидать могли только фогели. Мне были безразличны они все: и представители посольства, и их неизвестные помощники, и торговцы, и те, кто остался до поры в куполах, в том числе и закрытых энергобарьерами.

Единственное, что меня радовало, – среди фогелей не было подселенцев. Этих тварей я ненавидел лютой ненавистью и уничтожал бы сразу, без раздумий. Существа-симбионты, проникающие без согласия в тела жертв, – эти были худшими. На остальных же мне было наплевать.

– Чужак... демон... – зашептались вокруг люди.

Невежественные, малообразованные, они не понимали и не принимали перемен. Это такие, как они, жгли лавки иномирян и не оставляли в душе надежду изловить демонов темной ночью, показать им, кто здесь хозяин. Я не мог порицать горожан за это. Им было страшно, а страх рождает ненависть.

– Бей тварь! – слегка истерично вскрикнул кто-то неподалеку, и тут же один из посетителей, сидевший через столик от меня, взмахнул рукой, и в грудь фогеля ударил нож, но, звякнув о скрытую под балахоном броню, переломился и отлетел в сторону.

Чужак даже не шелохнулся, так и стоял, высокий, нелепый, чуть покачиваясь вперед-назад на своих тонких, но крепких ножках-ветках.

Обычно на иномирян не нападали вот так запросто, но этому фогелю не повезло заглянуть в столь сомнительное заведение, где человеческая жизнь гроша ломаного не стоит...

Второй из гулявшей компании резко поднялся из-за стола и бросился на фогеля. В его руке сверкнул сталью клинок. Расовая нетерпимость – страшная штука. Его приятели повскакивали следом за ним, готовые прийти на помощь. Они совершенно точно не намеревались соблюдать заявленный императором дружеский интерес к чужаку.

Но фогель оказался проворнее. Его левая рука с невероятной скоростью вылетела из-под балахона. Пальцев на руке было всего три. Чужак ловко схватил делового за шею, приподнял его, чуть встряхнул в воздухе, отчего нож вывалился из рук нападавшего, а затем прижал его спиной к стене, да так, что бедолага не мог даже шелохнуться.

Из-под балахона появилась вторая рука иномирянина, которой он медленно взмахнул снизу вверх, словно призывая всех сохранять спокойствие.

– Мир, друзья мои. Я не ищу конфликтов и неприятностей. Бреннер... мне нужен только господин Бреннер... – проскрипело существо на вполне понятном окружающим языке. Голос у него был чуть глуховатый из-за респиратора, неприятный, как несмазанная калитка, колышущаяся на ветру, но слова он выговаривал четко.

Его не слушали. Кабак загудел, люди хотели крови.

В ту же секунду в помещение из-за спины фогеля в зал протиснулись еще двое, на этот раз местные люди, но настоящие гиганты – большие, широкие в плечах, опасные, с плоскими, многократно переломанными в драках носами и ушами, одеты они были по современной моде, в просторные костюмы и безразмерные пальто. В руках у вновь пришедших замелькали дубинки, которые они пустили в ход, пройдясь по бокам и спинам самых ретивых – друзей подвешенного делового.

Я их узнал, приходилось сталкиваться прежде, из людей Степана Симбирского – местного криминального авторитета, очень высоко взлетевшего в бандитской иерархии за последнее время.

– Всем стоять на месте! – негромко, но весомо приказал один из телохранителей фогеля. – Чужак под нашей защитой...

Иномирянин разжал пальцы, и неудачливый деловой упал на пол.

– Мы не знали. Уважаемые, наши извинения... – Его приятели поспешно отступили назад, постаравшись скрыться за спинами других посетителей.

– Где Бреннер? – хрипло спросил второй телохранитель, оглядывая зал.

Стол передо мной опустели, но мне было все равно. Меня иномиряне и бандиты не интересовали. Я налил стопку и тут же выпил ее, не чувствуя вкуса.

Нечеловеческая ладонь с тремя пальцами-отростками легла на мой стол. Я недовольно покачал головой, но все же поднял взгляд на чужака, стоявшего прямо передо мной. Громилы-телохранители держались позади иномирянина, но одно их присутствие изрядно нагнетало атмосферу вокруг.

– Бреннер, – скорее утвердительно, чем вопросительно сообщил чужак, – Кирилл Бенедиктович?

– Он самый. – Я не видел смысла скрывать свое имя даже от птицы-богомла из далекого мира.

- Пожалуйста, Бреннер, пожалуйста! Помогите нам, иначе быть беде!..

III

Валер, иномирянин

Не могу сказать, что слова иномирянина взволновали меня хотя бы в малейшей степени. Плевать я хотел на их проблемы, доннерветтер![6 - От нем. Donnerwetter - черт побери.]

Я потянулся к графину. Мне нужен был мой чертов шнапс!

- Уважаемый, повремени, будь любезен. - Хриплый голос второго громилы-телохранителя заставил меня удивленно остановить руку. Дубинку он спрятал, но я все равно не рискнул бы повернуться к такому типу спиной.

- Не понял? - Я раздумывал, начать ли стрелять сразу сквозь карман или немного поговорить. С одной стороны, никто не имеет права мне указывать, но они обратились ко мне вежливо, плюс эти двое - люди Степана Симбирского... а ходить постоянно оглядываясь мне не хотелось.

- Степан лично просит тебя помочь этому... - Хриплый чуть замялся, выбирая выражение, видно было, что он и сам еще не до конца привык к наличию чужаков. - Нашему компаньону. Он щедро отблагодарит тебя за потраченное время!

Меня вновь нанимают уличные бандиты. Позор! Что бы сказал на это молодой десант-риттер Бреннер пятнадцать лет тому назад? Наверное, застрелился бы немедля, дабы не допустить для себя столь удручающего будущего...

- А с каких это пор Степан сотрудничает с чужаками? - спросил я.

- Уважаемый, не ко мне вопрос. Ты не откажи в просьбе, сгоняй с пернатым куда он скажет. Степан не забудет...

За прошедший год я не вел ни одного стоящего дела, отказывая всем, кто ко мне обращался по старой памяти, и разгребал только бандитские проблемы за их же деньги. Я прервал общение даже с друзьями, стараясь утопить в водке свою боль. И вот сегодня ко мне обратились, я понимаю, что не хочу влезать в эту историю, но...

На Степана и его просьбы мне было плевать, но внезапно захотелось развеяться. Вдруг удастся набить морду паре-тройке чужаков. Слишком я увяз в своем горе, застыл в нем как муха в янтаре.

– Хорошо, – решил я. – Мы прокатимся, и я выслушаю суть проблемы. Но больше ничего не обещаю.

Вокруг уже давно царил обычный кабацкий гул. На нас перестали обращать внимание, а поверженные деловые успели ретироваться.

– Это на расходы на первое время, просили передать. – Хриплый протянул мне плотно свернутые в трубочку купюры. – Мехваген на улице, вот ключи. Мы отчаливаем.

– Стой, – забеспокоился я. – А с пернатым кто возиться будет?

– Извини, уважаемый, – осклабился в хищной улыбке хриплый, – мне приказали доставить его и сдать тебе с рук на руки, а дальше я за него не отвечаю.

Оба здоровяка развернулись и покинули заведение, легко раздвигая плечами не успевших вовремя убраться с дороги посетителей.

Фогель, который за последние минуты не произнес ни слова, а только тарачил на меня свои окуляры, так и стоял рядом со столом, равномерно покачиваясь вперед-назад.

Я впервые видел иномирянина этой расы вблизи. Весь мой предыдущий опыт общения с чужаками ограничивался подселенцами и их подвидами. Я даже посетил их мир, поразившись до глубины души его нечеловечностью.

Фогель же отличался от них в лучшую сторону. Главное, он был обычным. Чужим, не похожим на людей – да, но обычным. Издали его можно было бы даже принять за человека. И он не стремился влезть в твое тело и управлять разумом. Он просто был иным.

Я потянулся было к стопке, но тут же с разочарованием отдернул руку. Не время. Слово есть слово. Я стремительно трезвел, и это не добавляло радости.

– С каких это пор Симбирский сотрудничает с такими, как ты? – чуть грубее, чем это требовалось, спросил я.

– У всех свои интересы...

– Ладно, ваши секреты мне не нужны. Что за беда стряслась? Рассказывай!

– Можно не здесь? Много ушей вокруг! Нужно ехать... там все расскажу... тут недалеко!..

– Ладно, выйдем на свежий воздух. Заодно поглядим, что за транспорт нам предоставили.

Я накинул куртку, переложив в ее карман револьвер из пиджака, и захватил со стула кепку.

На улице нас никто не ждал. Люди Симбирского давно скрылись из виду, а обычных прохожих вокруг не наблюдалось.

Шел легкий снег, тускло поблескивающий в свете редких газовых фонарей. Я поплотнее запахнул куртку. Зима в этом году наступила рано, но первые крепкие морозы только-только грозились ударить, хотя на дворе уже стояла середина декабря, и горожане давно готовились к Рождеству.

У сугроба с краю мостовой приткнулся «Мавританец» – небольшой, но весьма мощный мехваген, пользующийся популярностью у людей понимающих в силу своей адекватной цены и хороших ходовых качеств. Скромно, но со вкусом.

Я отпер двери и уселся на водительское место. Фогель изогнулся невообразимым образом и втиснулся в салон с пассажирской стороны. Признаться, я думал, он не поместится внутри – слишком длинный и нескладный. Но иномирянин удивил меня. Он влез, сложившись чуть не вдвое.

Мотор послушно заревел, как только я повернул ключ. Мехваген готов был сорваться с места в любой момент.

Я вдруг понял, что за прошедший год соскучился по настоящей работе. Я настолько погрузился в свое горе, что даже выкинул с моста в реку переговорник. Только алкоголь и публичные дома – вот что меня спасало все это время. А если кто-то считает, что проститутки – это не выход, то я мог бы привести множество примеров, когда жрицы любви вытаскивали буквально с того света мужчин, потерявших смысл жизни. Желтобилетные честно отработывали свои деньги, не только даря страждущим радости физической близости, но и утешая их духовно. Простое человеческое участие, которое в нужный момент вытащило из петли многих.

– Ну что, здесь поговорим или отъедем чуть в сторону, пернатый? – Несмотря ни на что, церемониться с фогелем я не собирался. Много чести!..

– Посольство, пожалуйста, давайте поедем в наше посольство...

Я удивился, но тронул мехваген с места. Для обычных горожан посольства были закрыты. Помимо энергокупола их охраняли и привычными методами. Солдаты несли круглосуточное дежурство, охраняя периметр и пресекая любые попытки посторонних проникнуть на территории посольств. Я был уверен, что и внутри самих посольств имеется множество секретов для нежелательных гостей.

Тот факт, что люди Симбирского явились в качестве сопровождающих фогеля, говорил о многом – иномиряне начали активно ассимилироваться, искать контакты с местными, наводить мосты... Вполне вероятно, что и посольские двери открывались гораздо чаще, чем мне представлялось.

Зимний морозец прогнал всяческие остатки моего опьянения, и мне вдруг стало стыдно за свой весьма непрезентабельный внешний вид: немыт, нечесан, оброс, как басурманин, да с тяжелым водочно-чесночным перегаром, сшибающим с ног любого неподготовленного человека за несколько шагов, – я мало походил на

некогда преуспевающего сыщика по найму, скорее на бездомного, опустившегося на самое социальное дно.

– Послушай, пернатый, – я чуть сбросил скорость, – у нас есть немного времени? Хочу, понимаешь ли, привести себя в порядок перед столь важным визитом...

– У нас есть час! – кивнул Фогель и вдруг добавил: – Валер.

– Что? – не понял я.

– Меня зовут Валер.

– Валер? А меня называй Кирилл Бенедиктович или господин Бреннер. Договорились, пернатый?

Фогель промолчал, никак не выказывая своего отношения к моему панибратскому тону. Я специально провоцировал его, стараясь определить границы допустимого.

Через некоторое время мы добрались до «Приюта скитальца». Я сказал Валеру обождать в мехвагене, ни в коем случае его не покидая. Сам же поднялся в комнату, наскоро умылся холодной водой, сполоснул рот модным освежающим средством против дурного запаха, которое одолжил портье, потом причесался и сменил одежду. С бритьем и стрижкой пришлось повременить, но даже водных процедур и чистого белья хватило, чтобы я вновь почувствовал себя человеком.

Фогель за прошедшие четверть часа, казалось, даже не шелохнулся. Он все так же сидел в положении кренделя, весь скрюченный, скукоженный и терпеливо ждал моего возвращения.

– Теперь можно ехать! – бодро заявил я, вновь устроившись за рулевым колесом.

«Мавританец» рванул вперед, едва я коснулся педали. Резвая кобылка! Надо пользоваться, пока еще есть возможность. После событий годичной давности производство мехвагенов пошло на убыль. Причина тому была самая пренеприятная – оборвав всяческий контакт с подселенцами после бесславного их вторжения в Руссо-Пруссию, империя потеряла доступ и к некоторым

чужеземным технологиям, в первую очередь к энерготанкам – сердцам всяческого современного механизма.

Конечно, это не афишировалось, но ходивших в городе слухов хватало, чтобы сопоставить факты и прийти к правильному выводу. У императорских инженеров еще оставался некий, думаю, весьма немалый запас энерготанков на секретных складах, но со временем и он подойдет к концу, а новых поступлений не предвиделось. Всяческая связь с миром подселенцев прервалась. И даже тот факт, что сам император делил собственное тело с чудовищем, никак не влияло на поставки энерготанков и прочих технологий.

Поэтому примерно полгода назад императорские заводы прекратили внешние продажи источников энергии, используя оставшиеся исключительно для оборонных нужд. Средний срок жизни энерготанка составлял несколько лет. Так что если Константин и его инженеры не придумают за этот период никакого решения, то и действующие механизмы вскорости выйдут из строя, а это, в свою очередь, приведет к порче боевой техники, включая флотилию боевых дирижаблей и уже оснащенных энерготанками линкоров.

Мне было даже интересно, о чем думал Костас, затеявая масштабное строительство железной дороги, где без мощностей энерготанков было просто не обойтись?.. Впрочем, дела властей предержавших меня с некоторых пор не касались. Костас старательно игнорировал мое существование, а я в ответ не интересовался государственными секретами. К слову сказать, кардинал тоже не давал о себе знать. После моего решительного отказа сотрудничать с Единой церковью он словно позабыл обо мне. И меня это только радовало.

Навстречу нам попались всего пара мехвагенов и телег – я специально ехал узенькими улочками, избегая центральных дорог. Я решил, что к посольству чужаков лучше подобраться, не привлекая излишнего внимания со стороны возможных соглядатаев. Кто-то наверняка нас все же заметит, но вечерний сумрак и легкий снег помешают рассмотреть водителя и пассажира. Афишировать свое вынужденное сотрудничество с фогелем я не спешил.

Примерно за квартал до цели нас остановил патруль, но, увидев внутри мехвагена иномирянина, солдаты тут же нас пропустили, даже не спрашивая разрешительные документы.

– Здесь налево! – внезапно дал указание мой пассажир, и я свернул в очередной узкий проезд между домами.

Проулок вывел нас к высоким металлическим воротам. Слева от ворот дежурные солдаты грелись у большой металлической бочки, в которой ярко пылал огонь. Они переминались с ноги на ногу, к ночи еще похолодало, но, заметив подъезжающий мехваген, схватили ружья и наставили на нас. Фогель высунул из окна свою руку-палку и повелительно ею взмахнул. Ворота тут же отперли, позволяя нам въехать в небольшой, закрытый со всех сторон дворик, в дальнем конце которого матово чернела стена, чуть подсвеченная столь знакомым мне приглушенным сиянием энергокупола. Слева у другой стены притулились три пустых мехвагена и карета.

Это был черный ход посольства. Для неофициальных визитов.

Я остановился рядом с каретой, вылез на свежий морозный воздух, вытащил папиросу и с удовольствием затянулся. Фогель медленно выбирался наружу, складывая и раскладывая для большего удобства свои конечности. Я с интересом наблюдал за его действиями, пытаюсь предугадать, не сломает ли он в результате всех этих манипуляций одну из рук-палок. Но чужак справился без потерь для собственного здоровья.

– За мной! – скомандовал Валер, справившись наконец с заданием, и мне ничего не оставалось, как отбросить окурок в сторону и принять его приглашение.

Мы подошли вплотную к матовой стене так близко, что можно было ощутить электрическое потрескивание энергокупола, а потом фогель снял с шеи небольшой кулон-брелок с красным камнем в центре, навел его на энергокупол и легко нажал на камень. Тут же часть сияния потухла, оставляя достаточный для нас овал прохода.

Я, повинувшись очередному указанию иномирянина, шагнул в проход первым и оказался в небольшой комнате-приемной, своим интерьером ничуть не отличавшейся от приемной любой другой высокопоставленной особы. Комната была пуста, проход уже закрылся. Валер, догнавший меня, не останавливаясь прошел к дальней двери и потянул на себя створки.

И не успел я войти во второе помещение, как тут же у меня на шее, радостно вскрикнув, повисла рыжая девица.

– Кира! Наконец-то! Я так соскучилась!

Я осторожно снял девицу с себя, чуть отставил ее в сторону, держа на вытянутых руках, и повертел вправо-влево, как игрушку, любясь. И впервые за прошедший год улыбнулся.

– Белла, чертовски рад тебя видеть! Ты похорошела, радость моя! – Но тут же смущенно хмыкнул, спохватившись, и поставил девицу на место. – Прости! Мне, наверное, стоит называть тебя – ваше императорское величество?

Арабелла Лямур, бывшая прима театра «Фантазия», бывшая же сотрудница «Бюро артефактов», моя хорошая подруга, а ныне венценосная супруга императора Константина и мать наследника престола, лишь задорно улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Для тебя, Кира, я всегда просто Белла.

IV

Ее императорское величество

Прошло всего несколько месяцев, как Арабелла подарила империи наследника. И роды пошли ей на пользу. Фигура девушки не изменилась, лишь формы и линии ее тела стали более плавными, женственными, но Белла, как и прежде, была тонка в талии, изящна и неистова в движениях. Натура деятельная – она не могла устоять на месте, порхая по комнате, как бабочка над цветущим полем.

Она за руку подвела меня к креслу, почти насильно усадив, самолично налила коньяк из пузатой бутылки, всунула бокал мне в руки и, только убедившись, что более мне ничего не требуется, разместилась в кресле напротив, по-детски поджав под себя ноги. Сейчас ничто не обличало в ней венценосную особу – обычная молодая девушка, шустрая и любопытная...

Валер – птицеподобный иномирнин устроился на диванчике, никак не вмешиваясь в разговор. Он сидел так тихо, что о его присутствии вполне можно было позабыть.

– Кира, ах, Кира, ты плохо выглядишь! – заявила Белла, внимательно осмотрев меня. – Извини, но ты похож на дикого зверя. Или на горного человека, коего, как пишут в «Городских новостях», повстречала императорская экспедиция в Гималаях. Ему даже кличку придумали, забавную такую – Джабарда! Там вышла любопытная история: он прыгал по снегу, убегал от ученых, даже влез на скалу, но его отловили и заперли в клетке, чтобы доставить в академию для изучения. А одежды он никакой не носит, кроме собственной шерсти. И рычит на всех страшно, потому и кличку дали. Такой скандал! Читал?

Я пригубил коньяк и отставил бокал в сторону. Отвык я от благородных напитков.

– Боюсь, в наших закоулках водятся звери и пострашнее, – сказал я, вспоминая угрюмые физиономии людей Симбирского. Поставь их рядом с пресловутым горным человеком, и неизвестно, кого испугаешься больше: дикого Джабарду или местных – опытных, опасных, умных и хитрых, где уж там гималайскому одиночке с такими тягаться.

– Это верно, – нахмурилась Белла. – Есть люди опаснее любых чудовищ.

– Поэтому ты меня и позвала? – предположил я, дабы немного ускорить разговор и перейти к сути.

– И поэтому тоже, – кивнула Лямур.

Хотя сейчас уже никто не посмел бы именовать ее этим старым псевдонимом. Супруга Константина вела весьма деятельный образ жизни и заставила с собой считаться. Пользуясь всей широтой власти, она наводила порядки в новой столице империи, вызвав у аристократии волну недовольства. Впрочем, у нее была и масса обожателей, точнее, обожательниц. Белла открыто заявляла о необходимости признания женщин равными, достойными вести мужские дела и занимать мужские должности, и уже только одним этим нажила себе немало врагов среди консервативного большинства. Я же относился к нововведениям

равнодушно. Может быть, Белле удастся протащить свои идеи в виде законопроектов и империя заживет по-новому. Лучше ли хуже? Кто знает. Но иначе. И может, именно женское милосердие поможет предотвратить очередную войну...

- Кстати, как поживает цесаревич Филипп?

Белла заулыбалась. Видно было, что даже вспоминать о сыне ей приятно.

- Здоров, румян и розовощек! Няньки в нем души не чают, ни на минуту одного не оставляют.

- Рад, что он здоровый и обычный, - я выделил голосом слово «обычный», - самый обычный ребенок.

Белла слегка покосилась на смирно сидящего в уголке иномирянина и кивнула.

- Да, он самый обычный ребенок. Говорят, очень на меня похож...

- Ну, дай бог, чтобы только на тебя. - Я все-таки отпил второй глоток коньяка, мысленно представляя нынешнего императора Руссо-Пруссии Константина, а еще совсем недавно - молодого повесу, ставшего жестоким убийцей и вынужденного делить собственное тело с подселенцем из иного мира.

- Только на меня, - серьезно ответила Белла, понимая, на что я намекаю. - Кстати, отвечая на твой невысказанный вопрос. Я нахожусь здесь неофициально, по личной просьбе Константина, как некий гарант. Это мои личные апартаменты в посольстве фогелей. Их подготовили по моей просьбе и на мой вкус, так что не удивляйся схожести предметов обстановки с привычными тебе.

- Поговорим о деле? Зачем ты меня позвала?

- У меня есть важное поручение, доверить которое я могу только тебе.

- Помочь пернатому? - предположил я. - Он, кажется, напуган. Но почему я? И как с этим связаны люди Симбирского?

– Чьи люди? – Белла недоуменно приподняла бровь. Ах, как же она была хороша – бывшая прима театра, некогда одним своим появлением на сцене заставлявшая публику визжать от восторга.

– Есть такой деловой. Степан Симбирский. Человек в городе весьма уважаемый... в определенных неуважаемых мной кругах.

– Ах, ты про Степушку, я сразу и не поняла. Да, это я попросила его помочь. Он мой давний знакомый, еще по прежним временам. Дело столь важное, что любая помощь мне кстати. Наш союзник, уважаемый Валер, – Белла вежливо кивнула иномирянину, который столь же церемонно качнул головой в ответ, – желал лично побывать в городе и отыскать тебя. Он весьма наслышан о твоих способностях. Бреннер, земля слухами полнится!.. Но одного отпускать его бродить по злачным притонам, которые ты так полюбил, я не рискнула. Вот и пришлось подключить Степана.

Я не был в восторге от таких союзников, считая, что Симбирский еще захочет воспользоваться столь удачным знакомством с бывшей примой, но промолчал. Это сейчас не важно. Если Степан начнет зарываться, то на него быстро найдется управа и его труп всплывет через несколько дней где-то внизу по течению реки. Вряд ли император Константин был настолько глуп, чтобы оставить Беллу совсем без присмотра.

– Рассказывай, в чем дело!

Валер внезапно оказался рядом с нами, хотя еще мгновение назад он смирно сидел в другой части комнаты на диванчике, скрестив длинные ноги-палки.

– Бреннер, помогите! Быть беде!..

Я отодвинулся чуть в сторону. Фогель двигался очень быстро.

– Это я уже слышал. А теперь хотелось бы узнать подробности.

– Из посольства пропала наша реликвия! Найдите ее, Бреннер!

Из дальнейшего объяснения иномирянина я уяснил следующее. Пропавшая реликвия являлось ценным культовым предметом фогелей, передаваемым правителями пернатых из поколения в поколение. По легенде, реликвия имела прямое отношение к первородным фогелям, к самим истокам их существования. Валер сказал, что без этой реликвии не было бы и самой их расы. Но многие к этой легенде относились весьма скептически, и реликвия долгие сотни лет служила лишь символом преемственности власти. Сейчас же, когда наши миры связали посольства, ее решено было торжественно доставить в Фридрихсград вместе с другими драгоценными предметами в честь первого императорского приема. Но во время приема кто-то ценную реликвию умыкнул. И это в тот самый момент, когда с реликвией впервые за тысячелетия что-то стало происходить. То ли переход между мирами так на нее подействовал, то ли сыграли роль иные факторы, но, попав в посольство, реликвия изменила цвет и форму, при этом стала теплой.

Ответственные фогели взволновались, но не знали, что предпринять, решено было для начала провести запланированный прием, а потом разбираться с историческими ценностями. Дабы не уничтожить зарождающиеся отношения между нашими народами, договорились искать реликвию тайно. Валер лично опросил всех членов своего посольства, но, по его словам, не обнаружил ничего достойного упоминания. Когда же подключили тайную полицию, то было уже поздно. Задним числом никто из присутствовавших на торжественном приеме гостей в краже не сознался. Все расследование свелось к осторожным расспросам, которые, разумеется, вора не выявили. Тогда-то и вспомнили обо мне.

– То есть нужно срочно найти эту самую священную штуkenцию... как хоть она выглядит?.. И вернуть ее пернатым? – подытожил я, внимательно выслушав историю.

– Верно, ты все правильно понял. – Белла казалась озабоченной. – Как сейчас выглядит реликвия, никто не знает. Она ведь начала менять свою форму. Но это что-то весьма необычное, если ты найдешь ее, то не ошибешься, я уверена. А наше внутреннее расследование прошло впустую, и на улицах у перекупщиков краденый товар не всплыл – люди Степушки это проверили. Мы не знаем, что делать. Если реликвия не найдется, это приведет к полному разрыву отношений с фогелями, более того, к полномасштабной войне! Это их религия, Кира, они за эту вещь и сами погибнут, и других перебьют. Мы не можем этого допустить! Найди вора!

История повторялась. Вновь сильным мира сего требовалась моя помощь. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... А сделаю дело, и потом они столь же быстро забывали о моем существовании.

Белла правильно поняла мои сомнения.

– Кира, ты прости меня. Я знаю, что все должно было быть иначе. Но этот год... он пронесся как один миг. Я все хотела найти тебя и поговорить, но так и не выкроила свободной минуты...

– Все в порядке. Мои проблемы не сравнятся с делами государственными. Ты не принадлежишь себе, поэтому извинения тут излишни.

– Мы должны были тебе помочь после всего, что ты для нас сделал. Но Костас... он к тебе очень неоднозначно относится... а я не хотела портить с ним отношения. У нас и так не все ладится...

В это я мог поверить. Наша с императором взаимная нелюбовь имела долгую историю. И то, что я еще был жив даже после коронации, когда Константин стал полноправным повелителем Руссо-Пруссии, говорило скорее о том, что он постарался выкинуть меня из головы, а вовсе не о его всепрощении.

Все время разговора Белла вертела в руках небольшой предмет, а потом в волнении кинула его на столик рядом с креслом, да там и оставила.

Я пригляделся. Ба, да это же личный императорский перстень! Ключ от любых дверей. Откуда он у Беллы?

– Ваше императорское величество... Белла... повторяю, тебе не за что просить прощения. Конечно, я сделаю все возможное, чтобы помочь. Но я не уверен, что удастся все повернуть по-тихому. Судя по рассказу, на приеме были весьма высокопоставленные особы... и, чтобы иметь право их допрашивать, мои полномочия должны быть чрезвычайными.

– Открыто действовать мы не имеем права, нельзя разглашать эту историю, но пусть хоть кто-то посмеет тебе помешать! На каторге сгною! – Голос Беллы внезапно стал жестким, она поднялась на ноги, заставляя встать и меня.

Спина моя сама собой распрямилась, каблуки щелкнули, руки вытянулись по швам. Внезапно мне стало дико неудобно за свой относительно неухоженный внешний вид. небритая морда – эх, тоже мне десант-риттер... бродяги выглядят краше.

– Но не все так страшно, прием был для малого числа гостей. Некоторых из них удалось полностью освободить от подозрений. Других же проверишь ты. Я могу помочь тебе только деньгами. Официальной поддержки не жди, мы вынуждены держать дистанцию от всех неофициальных расследований. Скандалы нам сейчас ни к чему.

Да, сильно же изменилась милая девушка Белла за прошедший год. Власть – такая штука, корежит человека похлеще подселенца внутри, меняет сущность. Эта новая Белла, точнее, императрица Арабелла умела внушить страх и уважение своим подданным. А я – лишь скромный слуга империи.

– Я отдала распоряжение. Твой дом в срочном порядке восстановят за имперский счет. Через недельку можешь вернуться туда. В банке на твое имя открыт «алмазный счет» под личное поручительство банкира барона фон Грефмана. Вот чековая книжка. Это мои личные средства. Отчетностью можешь себя не обременять, в твоей порядочности я не сомневаюсь. Константин пока не знает, что я обратилась к тебе. Реши нашу проблему, Кира! Победителей не судят. Дружба с фогелями нам необходима. Валер – официальный консул, он пока ничего не сообщил своему начальству о краже, иначе его голова слетит первой. У них там строгие порядки. Так что можешь рассчитывать на его всестороннюю помощь. Он уже объявил божественной волей карантин на своей территории, и вход в посольство сейчас строго закрыт, как с нашей, так и с той стороны. Тайная полиция в это дело больше нос не сунет, конкуренции можешь не опасаться. Все материалы, которые они нашли, здесь, в папке. Но, по сути, там пусто, Кира. И учти, у нас очень мало времени! Если реликвия за неделю не отыщется, то Валер обязан будет сообщить в Королевский совет о пропаже. И тогда усилия прошедшего года пойдут насмарку. Мы потеряем все приобретенные позиции, договоренности отменятся. Постарайся, Кира, на тебя последняя надежда.

Мне оставалось только кивнуть. В кармане моем лежал императорский перстень, который я незаметно прихватил со столика. Белла не могла помочь мне официально, но она сделала это неофициально, оставив перстень на виду. Так я подумал. Если же я ошибся, то, значит, попросту украл государственный символ

императорского дворца, а за подобные проделки обычной каторгой не отделаться.

– И еще... купи новый костюм и подстригись, прошу! Ты похож на беглого каторжанина!..

V

Доминатор

Императрица убыла по своим делам, оставив апартаменты в моем полном распоряжении. Помимо чековой книжки, выписанной на мое имя, и ворованного массивного перстня с личным гербом императора мне досталась папка с делом и переговорник новой модели – еще компактнее прежнего. К нему прилагался специальный лист со списком номеров, где под номером один шла Белла, а под номером два – Валер. Императора Константина в списке я не нашел.

Остальные номера принадлежали персонам, также присутствовавшим на злосчастном приеме. Всего в списке было десять имен – очень мало для встречи такого уровня. С огромным удивлением под номером девять я обнаружил Грэга Рата – моего давнего приятеля, ведущего журналиста «Городских новостей».

– Бреннер, когда вы начнете дело?

– Прямо сегодня и начну, – легко пообещал я, поглядывая на папку с делом. Видно было, что ничего толком Департамент полиции по этому делу не расследовал, а в папке находились лишь формальные отписки для начальства. – Для начала хочу прояснить один момент. То, что реликвию украли на приеме, примем за аксиому, но почему ты решил, что похититель – именно человек? Логичнее было бы предположить, что это кто-то из своих, то есть ваших. Об особой ценности реликвии никто из людей не знал и знать не мог. А знали об этом кто? Конечно, опять же свои. Так и поискали бы преступника в первую очередь среди других пернатых!..

Я неосознанно выделил последнее слово, проговорив его с презрительным оттенком, и фогель это явно подметил, но оставил без внимания. Кстати, как, интересно, их раса называется на самом деле? А то я все «фогель» да «фогель»... впрочем, плевать.

– Всех персон с нашей стороны я проверил самым тщательным образом, – выговаривая слова, будто общался с младенцем, объяснил Валер. – В их показаниях я не сомневаюсь.

– Зато я сомневаюсь! Невозможно доказать обратное. Я обязан сам лично провести все допросы, пообщаться с каждым из тех, кто был на приеме. Только тогда я смогу понять, выпадают ли они из списка подозреваемых или нет.

– Вы просто не знаете наши методы, Бреннер.

– Считаете свои методы необыкновенными? У вас какие-то особые пытки? Перед болью сложно устоять, оговорить себя может любой. Поэтому откинуть разом добрую половину подозреваемых, основываясь лишь на твоих предположениях и умозаключениях, я не могу.

Валер не стал спорить. Он задумался на минуту, потом кивнул, будто сам себе, и предложил следовать за ним.

Что же, если мне и правда разрешат допросить пернатых, то есть шанс на досрочное закрытие этого дела. Кому еще может понадобиться священный реликт, как не самим фогелям?

Валер вывел меня из апартаментов императрицы – охраны у внутренних дверей не было – и повел куда-то вглубь посольства по полутемным коридорам. Я с интересом осматривался, но коридор оказался совершенно обычным. Редкие газовые светильники на стенах помогали не заблудиться в многочисленных ответвлениях и боковых коридорах. Никто из членов посольства нам навстречу не попался.

Мы шли довольно долго, но обстановка вокруг не менялась. Все те же коридоры, целый лабиринт, в котором Валер уверенно ориентировался.

Наконец мы остановились в месте ничем на вид не примечательном. Разве что, если приглядеться, на стене контурами выделялись чуть более светлые участки овальной формы.

Валер толкнул один из контуров, и перед нами открылся круглый ход, ведущий в темноту.

- Прошу. - Фогель предоставил мне право зайти первым.

Я чуть пожал плечами и шагнул вперед.

В комнате было темно, но Валер зашуршал где-то сбоку, и тут же вспыхнул рожок газовой лампы, давая возможность оглядеться по сторонам.

Едва сообразив, что находится перед моим носом, я в ужасе отшатнулся, споткнулся и чуть было не упал, но неожиданно крепкая рука Валера придержала меня за рукав куртки.

Прямо передо мной в воздухе висели, чуть покачиваясь на цепях, тела. Мертвые тела фогелей. Я насчитал двенадцать трупов.

В том, что они мертвы, не было ни малейших сомнений. Грудные клетки подвешенных были вспороты, в дальней части помещения лежали внутренности, сваленные в одну кучу.

- Вы хотели знать наши методы. Я самолично провел все допросы, здесь весь бывший штат посольства, - отстраненным тоном сообщил Валер.

Смотреть на мертвых фогелей было еще противнее, чем на живых. Я отвернулся, с трудом сдерживая рвотные порывы. Сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, я немного успокоил свой организм.

- Ты убил их всех? Зачем?

- Только так я мог узнать, говорят ли они правду. К сожалению, они не лгали. Ни один не был причастен к похищению реликвии. Они умерли зря.

Фогель равнодушно смотрел на мертвецов, а потом перевел на меня свои окуляры, словно ожидая обратной реакции. Но я не знал, что ему ответить. Уничтожить весь штат посольства только для того, чтобы найти вора, укравшего никому не нужный хлам?! Это слишком даже для меня. Пусть я и желал всем иномирным издохнуть в корчах, но не забывал, что они мыслящие, чувствующие – хотя бы фогели... так что положив руку на сердце на самом деле я просто не хотел иметь с ними ничего общего, а такой смерти я не желал даже последнему врагу.

Что-то смущало меня в этой истории. Пересилив себя, я обошел висящих фогелей и осмотрел их тела. Да, я не ошибся. Я уже видел подобное однажды! Тело того, кто умер столь же страшной смертью, как и эти несчастные... Жорик-дагеротипист, маньяк и похититель детей... и только одно существо во вселенной оставляло после себя подобные следы.

– Подселенец! Ты внедрял в их тела симбионтов?!

– Только так я мог узнать правду, – согласился Валер. – Те, кого вы называете подселенцами и симбионтами, подавляют разум, заставляя рассказывать самое сокровенное. От них не может быть секретов. Результат гарантирован.

– Но и покинуть тело обычным способом они тоже не могут... только так, убивая своего носителя.

– Да, это огромный минус данного метода. Но иного выбора у меня не оставалось. Мои коллеги пошли на допрос добровольно. Это было их собственное решение.

Валер не ждал от меня оправдания его действиям. Он просто информировал о проделанной работе. Но заодно я многое узнавал о нравах его родного мира.

– А у них был выбор?

– Конечно, но, если бы они отказались, я бы их принудил, и они умерли бы обесчещенными. К счастью, мои коллеги оказались порядочными гражданами и до конца выполнили свой долг.

Пройдя несколько войн, я научился ценить жизнь и в то же время относиться к смерти как к чему-то естественному и неотвратимому. И все же каждый раз, когда наблюдал нечто выходящее за грани моего понимания, я чувствовал себя несмышлеником, едва вылезшим из песочницы.

Но из всех чужаков я выделял одну расу, которую ненавидел всей душой.

– Где подселенец? – Я схватил Валера за балахон и притянул к себе.

– Он содержится в надежном месте, – спокойно ответил фогель, не делая попыток освободиться. – Мы используем его редко, только для особо важных случаев дознания.

– Подселенец должен умереть! – тоном, не допускающим возражений, заявил я.

– Не считаю это целесообразным. – Валер мягко отвел мои руки в стороны и отступил на шаг назад. – Он еще может понадобиться.

Вот тут, признаюсь честно, я озверел и на пару мгновений, представив, для чего именно может пригодиться подселенец, потерял над собой контроль. Я бросился на фогеля, надеясь сбить его с ног, но Валер внезапно пропал из виду, а пока я чуть растерянно оглядывался по сторонам, пытаюсь отыскать исчезнувшего противника, он заговорил прямо у меня за спиной:

– Не волнуйтесь, Бреннер, против людей я не буду его использовать. Вы, наверное, не знаете, но ваш император первым пунктом договора о сотрудничестве между нашими народами поставил одно условие: никаких доминаторов, или подселенцев, как вы их называете. Доминаторы – вне закона! Каждый доминатор, проникший в Руссо-Пруссию, должен быть непременно уничтожен, равно как и его носитель. Слишком они опасны. Никаких исключений из этого правила быть не может. Мы подписали это соглашение и не нарушим договор. Но территория посольства – это территория нашего государства, поэтому тут действуют наши законы.

Я уже чуть остыл и даже пожалел о своем порыве. Надо было вести себя спокойнее. Фогель невероятно быстр, справиться с ним в случае необходимости будет весьма затруднительно.

Невольно я узнал еще один секрет империи. Жизнь императора под угрозой! Если фогели прознают, что в теле Константина обитает подавленный симбионт, то непременно потребуют выполнения условий договора о сотрудничестве. Они захотят убить Костаса либо разорвут договор. Непросто будет, ох непросто...

- Если он мне попадется, я убью его!

- Не беспокойтесь, Бреннер, вы с ним не встретитесь...

Делать в допросной фогелей было больше нечего. Валер уже все мне доказал. Если штат посольства не имеет никакого отношения к похищению, то искать нужно среди людей. Конечно, оставался еще и сам Валер, но, поразмыслив, я исключил его из числа подозреваемых. И дело даже не в том, что его обязательно подвергли бы тем же пыткам, коим он подверг своих подчиненных. Просто некому было это сделать, а привлекать посторонних Валер уже не мог. Но будь похитителем он сам, то не стал бы поднимать шум и привлекать людей к этому внутреннему делу. Нет, реликвию похитил кто-то из гостей, и я найду этого человека.

Мы отправились в обратный путь и через некоторое время вернулись в апартаменты Беллы. Я решил, что ночевать здесь не буду, все же это территория чужого посольства, но и в «Приют скитальца» больше не поеду. Ничего ценного из вещей у меня там все равно не осталось, лишь пара застиранных сорочек да полупустая пачка папирос. Пару дней переночую в одном из отелей, а потом наведаюсь в свой старый дом. Может быть, его к тому времени уже слегка приведут в порядок. Слишком давно я не был дома.

Я сунул папку с делом в кожаный портфель, специально оставленный Беллой для этой цели. Туда же кинул чековую книжку, переговорник и список с номерами. Я точно знал, с кого начать поиски.

Валер проводил меня до мехвагена. Мне казалось, он очень хочет поехать со мной, но предлагать себя в попутчики фогель не стал. Да и не взял бы я его, слишком много внимания привлекает любой чужак. А в нашем деле главное – скрытность! К тому же Валеру предстояло одному вести все текущие дела посольства. Затребовать новых подчиненных он пока не мог, а старых одного за другим выпотрошил подселенец-доминатор. Меня передернуло от омерзения.

– Бреннер, возьмите пропуск. – Валер протянул мне уже знакомый брелок с красным камнем по центру. – Нажмете здесь – сможете попасть в посольство и апартаменты в любой момент.

Я сунул кулон в портфель. Не думаю, что воспользуюсь гостеприимством фогелей в ближайшее время. Посольства никогда не казались мне чудными воротами в иные миры, скорее черными ходами, через которые к нам может проникнуть зло. И все же я надеялся, что во вселенной обитают не только твари, подобные подселенцам. Теперь же, посетив посольскую комнату для допросов, я окончательно разочаровался в разумных существах и убедился, что каждая жизнеспособная устойчивая система построена исключительно на силе и жестокости. Только подобные конструкции существуют в реальности, а сказки о дружбе, терпимости и всепрощении – лишь в фантастических грезах и детских сказках, а значит, обитаемая вселенная, вся бесконечная череда миров – это всего-навсего вариации на тему зла и насилия.

И человек со всеми свойственными ему недостатками, как оказалось, далеко не самое страшное существо из тех, кого породила природа.

Конечно, оставалась еще церковь и религия. Вопросы веры и все такое... Но я всегда был агностиком, теперь же, увидев, что не только у нас все прогнило и даже иномиряне не обрели бога и смысл жизни, только лишь прикрываясь божественной волей, я окончательно перестал надеяться на лучшее.

Как в старом, некогда запрещенном церковью анекдоте. Заходит к богу секретарь и говорит: «К вам посетители. Атеисты. Примете?», а бог отвечает: «Скажите им, что меня нет!»

Так и не принял, так и не дал поверить... все только своими руками, без помощи извне. «Ни на кого не надейся, никому не доверяй» – вот мой девиз в этой жизни.

– На вас вся надежда, Бреннер...

Ничего на это не ответив и даже не попрощавшись с фогелем, я несколько раз нажал на клаксон и, как только солдаты открыли ворота снаружи, вырулил из двора.

Встреча с Беллой, знакомство с Валером, новое задание, да и вообще весь сегодняшний вечер взбудоражили меня. Я слишком увяз в своем горе, сделав его центром своего существования. Пора было объявить перерыв и заняться тем, что получалось у меня лучше всего, – искать преступников!

VI

Конкурент

Решив не оставаться в апартаментах Беллы, но и не возвращаться в свою каморку в «Приюте скитальца», я выбрал самый роскошный отель города – «Кенигсхоф», с которым у меня были связаны весьма яркие воспоминания, ведь именно с крыши этого отеля я совершил год назад покушение на императора Карла Александровича – дядю Константина.

Несмотря на то что было глубоко за полночь, город жил своей жизнью. Куда-то спешили извозчики и мехвагены, включая крупные грузовые. Снег валом валил с неба, заставляя дворников работать и ночью, расчищая дороги, в первую очередь транспортные пути.

В зеркале заднего вида я заметил ослепительно-белый «Эгоист» – небольшой и компактный двухместный мехваген. Такой преимущественно покупали богатые аристократы-денди или внезапно разбогатевшие кауфманы[7 - От нем. Kaufmann – предприниматель, коммерсант, купец (устар.).]. Мехваген привлекал мощными ходовыми характеристиками, элегантным видом, шикарной внутренней отделкой, но был безумно дорогим.

Идущий снег сильно мешал обзору, но я был уверен, что «Эгоист» следует за мной уже какое-то время. Возможно, даже от самого посольства. Впрочем, как только я свернул на хорошо освещенный центральный проспект, мехваген перестал маячить позади.

Многочисленные вооруженные патрули мелькали то слева, то справа. Никакие уличные беспорядки ныне были попросту невозможны. Константин быстро и жестоко подавил бы любой бунт, не испугавшись возможной крови, и народ это

чувствовал. Возможно, именно по этой причине почти всяческая революционная деятельность сошла на нет. И если год назад было обычным делом, прогуливаясь по городу, попасть на спонтанный митинг, то сейчас провокаторов попросту били, причем били жестоко. Но, словно в противовес, криминальный мир города завоевывал все новые и новые позиции.

В паре кварталов от центральной площади проезд перегородил недавно установленный проверочный пункт – застава, какие в городе устраивались повсеместно. Два «страуса» – механические бронированные существа с водителями-механиками внутри – грозно повели дулами пулеметов в мою сторону, но я послушно остановился и спокойно дал проверить свои документы подошедшему риттер-офицеру. Не обнаружив ничего подозрительного, меня пропустили дальше.

Несмотря на все усилия дорожных работников, большинство проспектов и проулков к этому часу сильно замело, и я чуть было пару раз не застрял в сугробах. Поэтому, добравшись наконец до отеля, с облегчением выдохнул. Хотелось спать. День выдался непростым.

Бородатый швейцар удивленно нахмурился, когда я вылез из мехвагена и направился напрямик к позолоченным дверям отеля. Мой внешний вид, бесспорно, оставлял массу вопросов, но купюра в пять марок, демонстративно зажатая мною между пальцев правой руки, сняла большую их часть.

– Мехваген под навес! – приказал я, вручая банкноту швейцару. – Чтобы снег внутрь не попадал. Стекла протереть!

– Слушаюсь, ваше благородие! Будет исполнено!

Он распахнул двери, пропуская меня с мороза внутрь. Знакомый холл – в прошлый мой визит я лишь мельком сумел рассмотреть обстановку отеля, теперь же мог в полной мере оценить богатое внутреннее убранство, вышколенность прислуги и прочие нюансы, говорящие о высоком классе отеля.

Консьерж – молодой человек лет двадцати пяти с идеально лежащей прической – был сама любезность. Мой костюм ничуть его не смутил. За время своей службы он уже повидался всякого и с пониманием относился к причудам гостей. Ведь это когда у тебя нет денег, а ты при этом ведешь себя странно,

тебя называют идиотом. Когда же денег достаточно, а манера поведения все равно смущает своей необычностью, то говорят иначе – человек экстравагантный.

Сегодня я мог себе позволить легкую экстравагантность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Собирательное название крепких алкогольных напитков, обычно фруктовый самогон (нем.). – Здесь и далее примеч. авт.

2

Единство (лат.). От этого слова пошло название «унитаз» – новая модель раковины, включавшая в себя сразу несколько частей.

3

Риттер – рыцарь (нем.). В данном случае обозначает также принадлежность к дворянству.

4

Сокр. от нем. Untergrundbahn – метро.

5

От нем. Vogel – птица.

6

От нем. Donnerwetter – черт побери.

7

От нем. Kaufmann – предприниматель, коммерсант, купец (устар.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/shengal-c_igor/ksenofob

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)